

Гений одиночества

Смерть Иосифа Бродского — огромная утрата для России. Не только для её литературы, но и для общественного самочувствия. Ушёл человек и поэт, три последние десятилетия безусловно — и для поклонников, и для критиков — олицетворявший *независимость*. Бродский воспользовался сполна одним из главных горьких неписанных прав человека — правом на одиночество.

Кажется, что Бродскому не были знакомы ни радужные иллюзии молодости, ни юношеская неуверенность в своих силах. Точно он всегда чувствовал солидарность «только с горем», никогда не сомневался в своём главном предназначении.

Иосиф Бродский при жизни вступил в вечный круг великих изгнанников. Не помести он себя туда сам, это сделали бы за него современники и потомки.

Тема мрамора, изваяния — одна из излюбленных у Бродского. И теперь мы, читатели, можем найти в его судьбе и творчестве скульптурную завершённость.

Нынешнее искусство устало быть искусством, изделием. Очертания его всё более размываются и угадываются с трудом. Твердыня поэтического мастерства Бродского ещё раз напоминает нам о том, что основная причина этого превращения имеет не столько литературную, сколько личностную природу.

Если Бродский прав и жизнь — пустыня, то лучшая доблесть — мужественное достоинство перед лицом мирового равнодушия. Добродетели стоицизма Бродский не изменил ни на йоту и вышел из жизненного испытания несломленным.

Бродский имел, имеет и скорее всего будет иметь магнетическое влияние на нашу поэзию. Его блистательная, с первой же строки узнаваемая манера соблазнительна и на поверхностный взгляд легка для подражания. Но масштаба его личности воспроизвести никому не удавалось.

Из русской литературы навсегда или очень надолго ушёл поэт в традиционном смысле — с прописной буквы, которому совершенно впору были величественные одежды одиночества.

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

„Огонёк“ №6 февраль 1996